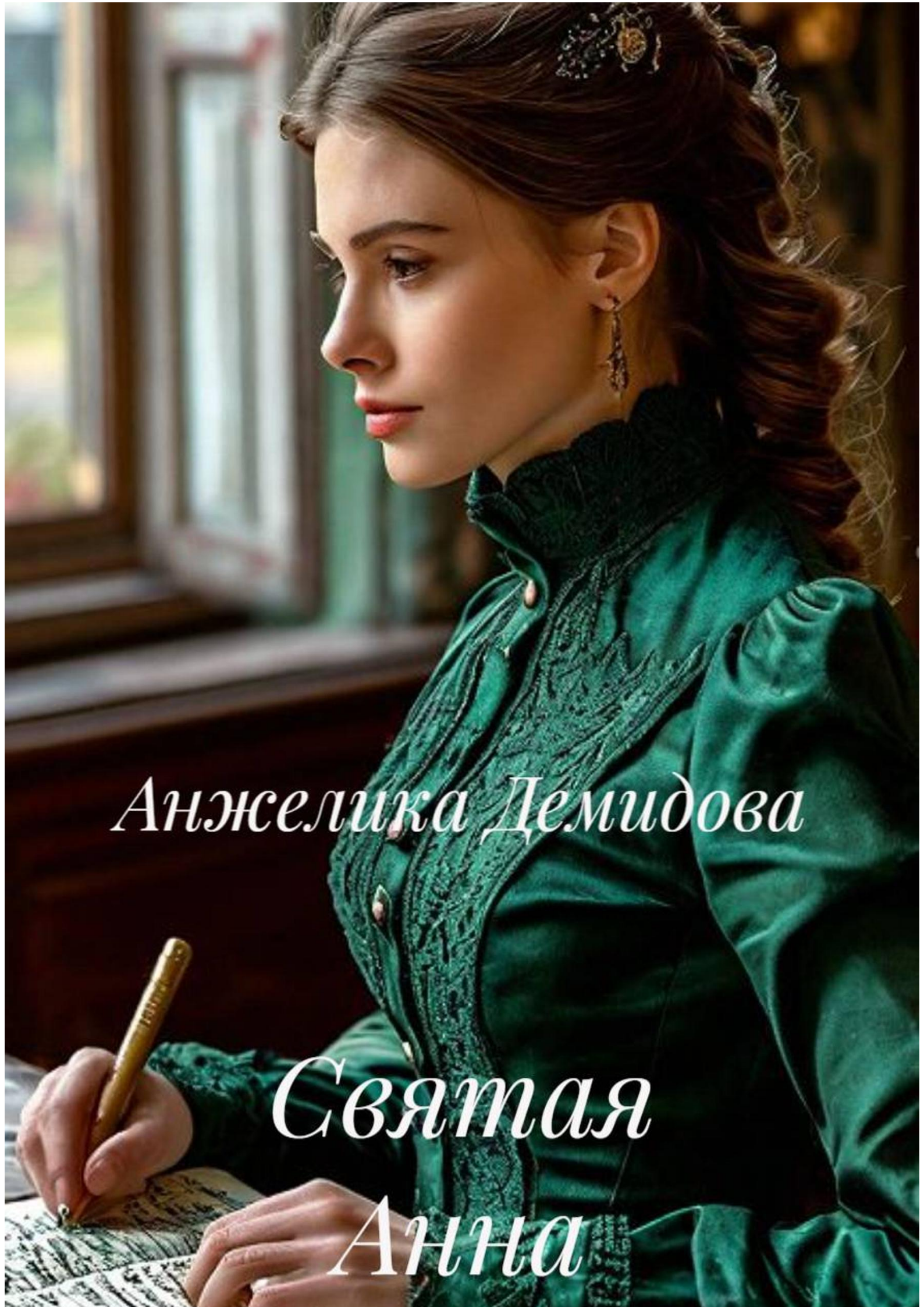

A woman with dark hair styled in a braid, wearing a green high-collared dress with lace detailing, is seated at a desk. She is holding a quill pen and writing in an open book. The background shows a window with a view of a garden.

Анжелика Демидова

*Святая
Анна*

Анжелика Демидова

Святая Анна

«Автор»

2026

Демидова А.

Святая Анна / А. Демидова — «Автор», 2026

Историческая повесть «Святая Анна» передаёт основные события из жизни Анны Григорьевны Достоевской от знакомства с великим писателем до его смерти. Книга создана на воспоминаниях жены писателя. В повести используются цитаты из «Воспоминаний» и «Дневника 1867 года» Анны Достоевской.

© Демидова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Об авторе	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анжелика Демидова

Святая Анна

Об авторе

Анжелика Демидова родилась на Алтае. В 2005 г. получила специальность «Журналистика» в ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» г. Барнаула.

В 2018 году, в этом же учебном заведении получила диплом магистра с отличием по направлению «Филология».

В 2019 получила награду Губернатора Алтайского края «Педагог года 2019»

Писать начала со школы. Публиковала статьи, рассказы и стихи в алтайских районных газетах «Заря востока» Ельцовского района, «Восток Алтая» Целинного района, «Восход» Красногорского района. Первое объёмное художественное произведение, повесть «Асташевы», было опубликовано в газете «Заря востока», в 1993 году.

В настоящее время живёт в Москве и работает преподавателем русского языка и литературы в колледже, имеет высшую квалификационную категорию.

С 2025 года является членом Союза писателей России (Московское городское отделение)

Email для связи с автором: angi757@mail.ru

Страница ВКонтакте: <https://vk.com/angi757>

I ЧАСТЬ

Глава 1. Знакомство

Петербург. Третьего октября 1866 года, в семь часов вечера, симпатичная двадцатилетняя девушка в коричневом длинном платье, слегка обтягивающем её стройный бюст, сидела на своём обычном месте за мощным дубовым гимназистским столом. Выражение её чуть продолговатого лица было сосредоточенным и серьёзным. Выразительные умные глаза, обрамлённые густыми ресницами, были обращены на Павла Матвеевича Ольхина, преподавателя стенографии. Скоро должна была начаться лекция.

— Какое счастье, что уроки нам даёт именно Павел Матвеевич, — шепнула девушка соседке за столом в таком же коричневом платье. — Лучше него не видать учителя в Петербурге.

— Вы верно подметили, Анечка. Он просто душа, — мило улыбнулась сокурсница. — Ой, мне кажется, что он направляется прямо к нам. С чего бы это? — уже шёпотом спросила она.

В это время Ольхин подошёл к девушкам и, кивнув им головой в знак приветствия, присел на дубовую скамью с краю.

— Анна Григорьевна, не хотите ли получить стенографическую работу? Мне поручено найти стенографа, и я подумал, что, может быть, вы согласитесь взять эту работу на себя.

— Очень хочу, — не раздумывая ответила Анна, — давно мечтаю о возможности работать. Сомневаюсь только, достаточно ли знаю стенографию, чтобы принять на себя ответственное занятие.

— Уж кому, как не вам, голубушка, я могу поручить столь ответственный труд у писателя Достоевского. Он теперь занят новым романом. Я прошу вас прийти к Достоевскому завтра, в половине двенадцатого.

— Я согласна, и выражаю вам мою глубокую признательность за оказанное мне доверие, — с уважением посмотрела Анна на преподавателя.

Ольхин кивнул в ответ и пошёл к кафедре. «Вот он, тип новой женщины нашей переломной эпохи, — подумал он. — Её ждёт большое будущее. Ведь она же станет поделовитее, чем нашумевшая Вера Павловна. Но святее Анна Григорьевна будет. Как ни на есть святее», — решил он и начал лекцию.

Только Анне уже было не до стенографии. Все её мысли были о предстоящей работе. «Наконец-то, наконец-то я смогу зарабатывать своим трудом деньги, — с увлечением подумала она. — Ах, как это превосходно, что я стану независимой. А как бы гордился мной папенька, ведь Достоевский был его любимым писателем». Мысли, сменяя одна другую, приводили Анну в необычайное волнение, и ей хотелось, чтобы поскорее настало завтра.

И вот, наконец-то, наступило утро четвёртого октября. Анна проснулась раньше обычного, сладко потянулась, откинула одеяло и, шлёпая босыми ногами по деревянному, вычищенному до блеска паркету, подбежала к окну, быстрым движением раздвинула тяжёлые бордовые портьеры, и счастливо улыбнулась.

— Как превосходно! — вздохнула всей грудью она. — Сегодня я стану самостоятельным человеком. Рабочим человеком, в конце концов.

— Сначала я зайду в Гостиный двор, — продолжала Анна разговаривать сама с собой, расчесывая свои длинные тёмно-русые волосы, — куплю там карандашей и непременно маленький портфельчик. Он придаст мне деловитости в глазах Достоевского.

Анна гладко зачесала волосы, заплела косу и уложила её на затылке, заколов шпильками. Чтобы выглядеть более солидно, она облачилась в тёмно-зелёное кашемировое платье безо всяких рюш и кружевных воротников, вышитое чёрными узкими бархатными полосками по подолу, надела укороченное пальто из дамского сукна коричневого цвета, на голову — башлык из домотканого сукна, и к назначенному времени шла по Столярному переулку к дому Алонкина. Вскоре она увидела большой каменный дом с трактиром и пивными лавками в нём и массой извозчиков, которые гоготали, нецензурно выражались и плевали прямо на утрамбованную дорогу. «Фу, какие неприличные люди», — подумала Анна и торопливо прошла через ворота вглубь двора. Его мёл дворник в оборванной поддёвке из тёмного сукна.

— Милейший, подскажите, где живёт Достоевский? — спросила у него Анна.

Дворник перестал мести, выпрямился, пригладил грязную бороду и трубным голосом прогудел, махнув куда-то вверх:

— Так это, сударыня, вона, там, в тринадцатом нумере изволил-с поселиться, в первом подъезде, который направо.

— Благодарю, — кивнула ему Анна

Она поднялась на второй этаж по довольно грязной и мрачной лестнице, позвонила и ей сразу же открыла дверь пожилая служанка в накинутом на плечи зелёном платке в клетку. Женщина проводила Анну в комнату, где нужно было ожидать Достоевского.

Анна осмотрелась. Комната с нагромождением шкафов и деревянного безобразного сундука показалась ей невзрачной и мещанской. Через две минуты в дверях появился Достоевский, провёл Анну в свой кабинет и тут же ушёл.

«В этой комнате приятнее», — подумала она. И, действительно, в этот солнечный день кабинет Фёдора Михайловича, где было два окна, казался светлым. В глубине комнаты стоял мягкий диван, покрытый коричневой, довольно подержанной материей; пред ним — круглый стол с красной суконной салфеткой. На столе — лампа и три альбома; кругом — мягкие стулья и кресла. Над диваном в ореховой раме висел портрет чрезвычайно сухошавой дамы в черном платье и таком же чепчике. «Наверное, жена Достоевского», — подумала Анна, не зная ещё о том, что он вдовец.

Между окнами стояло большое зеркало в чёрной раме. Так как простенок был значительно шире зеркала, то, для удобства, оно было придвинуто ближе к правому окну, что было очень некрасиво. Окна украшались двумя большими китайскими вазами прекрасной формы.

Вдоль стены стоял большой диван зелёного сафьяна и около него столик с графином воды. Напротив, поперёк комнаты, был выдвинут письменный стол Фёдора Михайловича.

Через пять минут в комнату вернулся и он сам. Анна внимательно разглядела его. На вид дала ему лет тридцать семь. Он был среднего роста и держался по-дворянски прямо. Светло-каштановые, слегка даже рыжеватые волосы, были сильно напояжены и тщательно приглажены. Его лицо показалось ей бледным и болезненным. А больше всего её поразили его глаза, они были разные: один — обычный, карий, а в другом цвета не наблюдалось, потому что зрачок был расширен во весь глаз. Эта двойственность глаз придавала взгляду Достоевского какое-то загадочное выражение. Одет Фёдор Михайлович был в суконный жакет синего цвета, довольно подержанный, но в белоснежном белье — воротничке и манжетах.

Из их диалога Анна сделала вывод, что Достоевский довольно странный, потому что он перескакивал с одной темы на другую и вёл себя беспокойно: ходил взад-вперёд и много курил.

— Забыл опять, как вас зовут, — нервно сказал он. — У меня же эпилепсия и недавно был припадок, не могу собраться с мыслями.

«Как же? Разве можно об этом говорить вслух, да ещё и малознакомому человеку?» — ужаснулась про себя Анна, но промолчала.

— Зачем вы надели такое платье? — вдруг спросил он. — Надевайте на работу что-нибудь попроще.

Анна неприятно удивилась.

— Это моё обыкновенное простое платье, я всегда его ношу. Оно не праздничное.

Потом, странно на неё посмотрев, Фёдор Михайлович начал высказывать своё мнение.

— А ведь женщина вообще ни на что не способна, она нигде не может служить, ничем не может заниматься, хлеб себе не может зарабатывать. За что не возьмётся, вечно всё испортит.

Потом он нервно затушил сигарету, резко повернулся к Анне и громко спросил:

— Не хотите ли вы получить от меня теперь же деньги авансом? Может быть, они теперь вам нужны? Пожалуй, потом у меня их уже и не будет.

— Нет, покамест мне не надо, — удивлённо ответила Анна.

Она следила глазами за Достоевским и мысли её были неутешительными: «Он оставляет тяжёлое впечатление и мне совсем не нравится. Как же с ним работать мы будем? Ах, как печально, моё желание быть независимой так и останется желанием. Как же расстроится моя добрая мама».

И только потом, вечером, когда Анна пришла к Достоевскому уже стенографировать, мысли её о нём переменились. В комнате у него было полутемно, как обычно, потому что две свечи, стоявшие на его столе, не могли осветить всё пространство. В этот вечер Фёдор Михайлович много рассказывал о себе, о том, как он стоял на Семёновском плацу в смертной рубашке, о том, как он ходил потом по своему каземату в Алексеевском рavelине и всё пел, громко пел, так как был рад дарованной ему жизни.

«Ах, какой он умный, какой добрый, но вместе с тем несчастный и всеми заброшенный. Но разве можно такое допустить, чтобы о нём никто, абсолютно никто не заботился. Ах, как я жалею его и сострадаю ему», — думала Анна, с необычайным волнением слушая Достоевского.

— А вы думаете, что я не могу ещё жениться? Вы думаете, что за меня никто не пойдёт? Ведь я старый, с припадками эпилепсии, у меня ещё эмфизема лёгких, и я обременённый долгами.

— Пойдёт, непременно пойдёт, — пыталась ободрить его Анна.

И уже позже, когда работа над романом «Игрок» началась с её помощью, Анна узнала, что Фёдор Михайлович находится в крайне тяжёлом финансовом положении, потому что принял на себя все долги старшего брата Михаила после его смерти, и из-за денежных проблем Достоевский попал в ловушку к издателю Стелловскому, который обязал Фёдора Михайловича доставить ему новый роман к первому ноября 1866 года. В случае нарушения этого срока

издатель приобретал право на безвозмездное издание всех новых произведений Достоевского в течение девяти лет.

Впервые у Анны возникло неконтролируемое чувство возмущения в отношении нечестного издателя.

— Ах, как можно, как можно наживаться на положении такого гениального человека, как Фёдор Михайлович? — говорила Анна уже дома матери. — Нет, это просто невыносимо, как земля может носить на себе крайне непорядочную особь в виде Стелловского? — не могла успокоиться она. — Я готова работать день и ночь, лишь бы только помочь Фёдору Михайловичу, — сделала Анна вывод.

И она действительно настолько погрузилась в работу, что перестала посещать своих знакомых, а дома скучала и жила ожиданием завтрашней встречи с Фёдором Михайловичем. Он стал для неё частью её самой, с ним было легко и спокойно.

Однажды Анна, закончив стенографировать и собирая бумагу и карандаши в портфель, попросила Достоевского, который в это время по обычаю ходил по комнате и курил.

— Фёдор Михайлович, расскажите, как вы были счастливы.

Он в раздумье остановился, окинул Анну грустным взглядом и серьёзно ответил:

— Счастлив? Да счастья у меня ещё не было, по крайней мере, такого счастья, о котором я постоянно мечтал. Я его жду. Я всё ещё мечтаю начать новую, счастливую жизнь. Так-то, голубчик Аня.

Анна в этот вечер много думала о сложной судьбе Достоевского и дома говорила матери за ужином:

— Ах, мама, он такой несчастный, мне так хочется приносить ему радость. Вы не представляете, мама, как я горжусь, что смогла скрасить самую малую часть его жизни. Ведь он слишком доволен моей работой и чрезвычайно откровенен со мной.

Анна сделала глоток чая и продолжила:

— А представляете, какой он бедный! Ему даже пришлось заложить китайские вазы и столовое серебро! Он ест теперь деревянной ложкой! Как же так можно, чтобы такой великий и талантливый человек был настолько несчастным и бедным!

Анна плохо спала этой ночью и всё думала о том, что работа над романом подходит к концу, и ей придётся расстаться с Достоевским, а ей так не хотелось этого.

На следующий день эту проблему решил Фёдор Михайлович. Он первым начал разговор, а Анна удивилась, что, оказывается, их беспокоит одно и то же.

— Знаете, Анна Григорьевна, о чём я думаю? Вот мы с вами так сошлись, так дружелюбно каждый день встречаемся, так привыкли оживленно разговаривать; неужели же теперь с написанием романа всё это кончится? Право, это жаль! Мне вас очень будет не хватать. Где же я вас увижу? Отчего вы не пригласите меня к себе, в вашу семью?

— Мы об этом условимся, когда окончим работу, — улыбнулась Анна. — теперь для нас главное — это окончание вашего романа.

— Всё же, вы скажите мне ваш домашний адрес, милая Анна Григорьевна, вдруг, вы заболаете и не придёте, а я и адреса вашего не знаю.

Анна улыбнулась и продиктовала Фёдору Михайловичу свой адрес. Он его старательно записал в своей вишнёвой тетради, где были заметки к «Преступлению и наказанию».

— А скажите, Анна, сватаются ли к вам женихи, — шутливо спросил Фёдор Михайлович.

— Да, пока только двое. Один малоросс и ещё доктор. Скорее всего, я выйду замуж за доктора, он хороший человек.

— Наверняка, вы влюблены в него, — так же шутливо продолжил Фёдор Михайлович.

— Нет, — серьёзно сказала Анна. — Зато он меня любит, а я его уважаю, и я буду с ним счастлива. Но нам пора приступать к делу, — улыбнулась она.

И снова Фёдор Михайлович и Анна принялись за работу. Достоевский в своём подержанном синем жакете по обыкновению ходил по комнате, курил и диктовал по рукописи, которую держал в левой руке. Анна за его столом внимательно слушала и стенографировала. На этот раз она была в обычном чёрном суконном платье. За окном стоял холодный, но солнечный день 29 октября. Скупые лучи осеннего солнца пробивались сквозь стёкла комнаты и лениво скользили по столу, делая стенографические символы отчётливее и яснее.

Анна с удовольствием следила за Фёдором Михайловичем и ей нравилось, что выражение его лица, обычно напряжённого, стало намного мягче и приятнее. «Ах, как он преобразился за эти двадцать дней, — слегка улыбнулась она, снова посмотрев на него. — Мне кажется, он даже счастливее стал».

— Вы улыбаетесь, голубчик Аня? — заметил Достоевский. — И есть чему. Диктую вам последние строки. Роман уже закончен! — торжественно объявил он.

— Фёдор Михайлович, вы гениальны! Вы написали «Игрока» всего за двадцать шесть дней.

— Что вы, добрая Анна Григорьевна? Без вас я бы никогда и не справился.

Анна была смущена и обрадована его похвалой. И уже дома за ужином говорила матери:

— Мама, он такой умный, такой талантливый. И его хорошие знакомые такие же. Совсем недавно Фёдор Михайлович познакомил меня с Аполлоном Николаевичем Майковым, представляете? Так тот добрейшей души человек оказался. Ни сколько не высокомерный, хотя такой известный и одет по последней моде.

Анна восторженно посмотрела на мать.

— Представляете, мама, с какими людьми я общаюсь! Ах, ладно, некогда рассиживаться, надо переписать диктовку. А завтра я получу свои первые заработанные деньги.

Анна пошла в свою комнату, которая была совсем небольшая, но уютная и светлая. Миниатюрный письменный стол стоял справа от двери, за ним Анна переписывала вечерами и даже ночами стенограмму. И на этот раз она засиделась глубоко за полночь, но спать легла довольная, потому что выполнила всё задуманное.

Утром 30 октября Анна проснулась бодрая и радостная. Слабые лучи осеннего солнца осторожно просачивались сквозь плотные бордовые портьеры. Анна с улыбкой раздвинула их в стороны, и тонкие бледные полосы света тут же залили комнату.

Анна поспешила одеться. На этот раз она выбрала шёлковое лиловое платье, потому что у Фёдора Михайловича был день рождения 30 октября, и ей не хотелось приходить к нему снова в тёмной траурной одежде. Она решила порадовать его, кроме законченной работы, своим внешним видом. И ей это удалось.

— Голубчик мой, Аня, я польщён вашим вниманием ко мне, — восхитился Фёдор Михайлович при встрече. — Это платье вам значительно лучше, вы в нём кажетесь выше и стройнее обычного.

От этого одобрения и без того хорошее настроение Анны стало значительно лучше. Ей было приятно, что сам Достоевский, которого читает вся страна, её похвалил.

— Вот вам условленные пятьдесят рублей, — протянул Анне деньги Фёдор Михайлович и крепко пожал ей руку.

Он хотел ещё что-то сказать, но не успел. Его перебила служанка, она доложила о приходе Эмилии Фёдоровны, вдовы старшего брата Достоевского, которая приехала поздравить Фёдора Михайловича с днём рождения.

Как только она вошла, сразу же бесцеремонно окинула Анну с головы до ног холодным взглядом и даже не кивнула ей головой, как будто её и не существовало вовсе.

Анна потупила взор. «Фу, какая неприятная женщина, — удивилась она и даже обиделась на неё за такое отношение. — Видимо, считает ниже своего достоинства обращать внимание на стенографистку. Зато одета по моде, один суконный зуав на серой тафте с серыми пуго-

вицами стоит больше, чем я заработала у Фёдора Михайловича. Какие невоспитанные у него родственники, — продолжала размышлять Анна. Она уже была знакома с пасынком Достоевского, Исаевым Павлом, которого Фёдор Михайлович взял на воспитание после смерти жены, Марии Исаевой. И этот Павел как-то подкараулил Анну во дворе и стал нагло рыться у неё в портфеле, рассматривая стенограмму. — Бедный Фёдор Михайлович, теперь я понимаю в полной мере, почему он был таким несчастным и одиноким».

Размышления Анны прервал поэт Аполлон Николаевич Майков, который тоже пришёл поздравить Достоевского. Он узнал Анну и много расспрашивал её о романе. Анна с восхищением говорила о героях: о бабушке, мистере Астлее, о влюбленном генерале. Майков слушал с интересом и даже сказал:

— Я немного завидую вам, Анна Григорьевна, ведь вы первая познакомились с произведением, которое в будущем станет популярным, я в этом уверен.

«Ах, какой милый, добрый человек, такой известный, и нет в нём никакой заносчивости», — подумала Анна и благодарно на него посмотрела.

«Какая чудесная и порядочная девушка, — улыбнулся ей в ответ Майков. — Хорошо бы Феде такую жену. А то он один уж больно устал».

Вскоре Майков засобиравшись домой, и Анна последовала его примеру. Достоевский бросился её уговаривать, чтобы она осталась, но Анна не захотела снова выдерживать на себе ледяной грубый взгляд Эмилии Фёдоровны.

Достоевский огорчился отказу Анны и пошёл проводить её до передней.

— Когда же я могу приехать к вам, голубчик Аня? — уточнил он. — Завтра?

— Нет, завтра меня не будет дома: я звана к гимназической подруге.

— Послезавтра?

— Послезавтра у меня лекция стенографии.

— Так, значит, второго ноября?

— В среду, второго, я иду в театр.

— Боже мой! У вас все дни разобраны! Знаете, Анна Григорьевна, мне думается, что вы это нарочно говорите. Вам просто не хочется, чтобы я приезжал. Скажите правду!

— Да нет же, уверяю вас! Мы будем рады вас у себя видеть. Приезжайте третьего ноября, в четверг вечером, часов в семь.

— Только в четверг? Как это долго! Мне будет без вас так скучно!

Анне показалось, что Фёдор Михайлович шутит.

— Как он может без меня скучать? Ведь он такой занятой и наверняка эти дни проведёт время с друзьями, — сказала она самой себе, выйдя из двора на утрамбованную дорогу Столярного переулка.

Возле дома Алонкина петербургская жизнь, по своему обыкновению, бурлила и кипела. Пивные лавки и постой извозчиков собирали вокруг себя определённый контингент. На Столярном было всегда многолюдно. Туда и сюда шарахались пьяные оборванные мужики, хотя не редко встречались и порядочные господа, чаще из мелких чиновников. Они шли либо со службы, либо на службу. Их жизнь текла монотонно и скучно. Женщины попадались реже, и те, которых видела Анна, вызывали у неё сочувствие своей бедной одеждой и неопрятным видом.

— Наверное, такие как я и Эмилия Фёдоровна — здесь большая редкость, — осматривала Анна прощальным взглядом улицу.

— Наверное, я больше никогда сюда не вернусь. Бедный Фёдор Михайлович. Как же он здесь живёт? На моей Костромской намного тише, потому что она в глуши. А здесь? Да ещё этот нестерпимый запах! Откуда он идёт? — поморщилась Анна.

И только потом она поняла, что запах шёл с Екатерининского канала, куда сливали городскую канализацию.

— Пшёл вон! С дороги! — то там то здесь слышался крик извозчика, которого кто-либо нанимал, а тот, в свою очередь, боялся сбить шатающегося пьяного.

Анна хотела со Столярного переулкa свернуть на Малую Мещанскую, чтобы дойти до набережной и погулять по ней, но потом раздумала, пошла в противоположную сторону до Большой Мещанской, там извозчики до её дома стояли дешевле.

Анна с матерью жили в Рождественской части Петербурга, матери принадлежали два большие участка земли на Костромской и Ярославской улицах. На одном из них были выстроены три деревянных флигеля и так же каменный дом в два этажа. В нём и проживала Анна с матерью после смерти отца. Дом стоял недалеко от Николаевского госпиталя. На другом участке было ещё два деревянных дома, один был отдан в приданое сестре Анны, Марии, другой предназначался ей самой.

Домой Анна приехала к обеду. Мать всегда приказывала накрывать стол в два часа дня в малой гостиной. Анна ещё успела заехать в лавку и купить чёрной икры за три с половиной рубля, уж так ей захотелось порадовать свою добрую мать, которую она любила всей душой.

На обед были щи с говядиной, судак заливной, сметки белозёрские жареные, вафли со взбитыми сливками.

— Я ж распорядилась, Неточка, сегодня обед приготовить сытный, — заключила мать Анну в объятия, как только она вошла в прихожую. — Ведь у тебя работа окончена и тебе надо поправляться. Уж больно ты исхудала, дитя моё.

— Мама, ну что вы, — устало и вместе с тем радостно улыбнулась Анна, развязывая башлык и снимая пальто. — Нам столько и не съесть с вами. А вот в четверг к нам пожалует Фёдор Михайлович.

— Да что ты, Неточка! Неужто сам Достоевский?

— Да, мама, сам Достоевский.

За обедом у Анны с матерью завязался оживлённый разговор, и они обсуждали, чем будут кормить Фёдора Михайловича и о чём будут с ним беседовать. Анна поручилась купить груш того сорта, который предпочитал Достоевский, и так же его любимые сладости.

После обеда Анна прошла в большую залу и долго играла на фортепьяно, пытаясь заглушить музыкой то и дело накатывающее волнение. И это волнение не оставляло её последующие дни до самого приезда Фёдора Михайловича. Но переживала Анна напрасно, и посещение известного писателя их семьи прошло как нельзя лучше. Он очаровал мать Анны, был галантен и обаятелен, а Анну называл своей милой сотрудницей. Беседа за столом протекала весело и непринуждённо.

Принимали Фёдора Михайловича в большой голубой зале, тем самым отойдя от обычая — ужинать в столовой. Большая зала считалась лучшей комнатой в доме и имела соответствующий интерьер. Небольшой овальный стол, предназначенный для лёгких закусок во время званых обедов, был из орехового дерева. Его покрывала голубоватая скатерть и стоял он напротив высокого мягкого дивана, обитого кретоном с мелким цветочным орнаментом тёмно-синего цвета. Вокруг стола со свободной стороны красовались стулья с резными спинками и мягким сиденьем в цвет дивана, по бокам которого находились этажерки для мелочей и тумбы с декоративными фарфоровыми вазами. Яркие картины с пейзажами, обрамлённые рамами золотистого цвета, густо заполняли стену над диваном. С другой стороны, между двумя окнами, стояло чёрное фортепьяно, на котором так любила играть Анна в свободное время. В углу располагался зимний садик. Так же зала украшалась большой хрустальной люстрой, тяжёлыми тёмно-синими порттьерами и, зеркалом в раме и паркетом из наборного дерева со сложным геометрическим рисунком.

Угощали Фёдора Михайловича щами с бараниной, жареным гусем с яблоками, подовыми пирожками с земляничным вареньем и грушами, которые он так любил. А ещё Анна для него накупила изюма, фиников, шепталу, пастилу, конфет от Ballet.

Вечер прошёл прекрасно. В одиннадцать часов Фёдор Михайлович уехал, а Анна долго не могла уснуть. Она пыталась понять, кем стал для неё этот удивительный человек. Насколько глубоко он врезался в её жизнь. Ей было нестерпимо тоскливо и скучно без него. Видеть его рядом, оживлённо с ним разговаривать, — всё это стало её потребностью. Все прежние обычные занятия потеряли для неё всякий интерес и показались пустыми и ненужными.

— Ах, нет, так нельзя, — сказала строго она себе. — Кто он и кто я, об этом запрещено забывать. Он великий писатель, а я простая девушка из глубинки Петербурга. Все мечты в сторону, впереди — только работа. Ведь Фёдор Михайлович оказал мне честь и пригласил сотрудничать дальше на последнюю часть «Преступления и наказания». И восьмого ноября я поеду снова к нему на работу.

Восьмого ноября 1966 года выдался ясный морозный день. Анна в хорошем настроении и с большой радостью снова шла по Столярному переулку к дому Алонкина. Там снова было многолюдно, снова ругались извозчики, кто-то громко пел, дворники мели свою территорию, но Анне всё это уже не угнетало. И трущобный внутренний двор со множеством мелких квартир не погружал её в печальное состояние.

Она поднялась по грязной мрачной лестнице на второй этаж, вошла в переднюю и, не успев раздеться, увидела Фёдора Михайловича, который сразу же вышел её встречать, услышав знакомый голос.

— Наконец-то вы пришли! — воскликнул он и стал помогать Анне развязывать башлык и снимать пальто. — Я так рад, что опять вас вижу!

Анне понравилось его восторженное выражение лица, оно очень молодило Достоевского.

— И я рада, что вижу вас, Фёдор Михайлович, да ещё в таком весёлом настроении. Не случилось ли с вами чего-либо приятного?

— Да, случилось! Сегодня ночью я видел чудесный сон!

— Только-то! — рассмеялась она.

И у них снова завязался один из оживлённых разговоров, которые так ценила Анна. В нём Фёдор Михайлович начал описывать героя своего будущего романа, а Анна с увлечением слушала. Героем предполагался несчастный бедный художник, он был к тому же болен и обременён долгами. Утешение его составляла молодая девушка, в которую он был влюблён, но боялся открыть ей своих чувств.

— Возможно ли, чтобы молодая девушка, столь различная с ним по характеру и по летам, могла полюбить моего художника? Не будет ли это психологической неверностью? — в волнении спросил Анну Фёдор Михайлович.

— Что в том, что он болен и беден? Неужели же любить можно лишь за внешность да за богатство? — горячо проговорила Анна.

Ей было очень приятно, что сам Достоевский спрашивает её мнения про свой новый роман. Она гордилась тем, что может помочь великому писателю.

— И вы серьёзно верите, что она могла бы полюбить его искренно и на всю жизнь?

Он помолчал, как бы колеблясь. Анна заметила большое волнение в его лице.

— Поставьте себя на минуту на её место, — сказал он дрожащим голосом. — Представьте, что этот художник — я, что я признался вам в любви и просил быть моей женой. Скажите, что вы бы мне ответили?

И тут вдруг Анна поняла, что это не просто литературный разговор. Она не поверила своему счастью, ведь Фёдор Михайлович, стал для неё столь дорогим за это последнее время, с ним не мог сравниться никто. Она взглянула на любимое взволнованное лицо своего будущего мужа и со всей серьёзностью произнесла:

— Я бы вам ответила, что вас люблю и буду любить всю жизнь!

Анна была поражена, почти подавлена громадностью того счастья, которое обрушилось на неё так неожиданно. Она слушала нежные, полные любви слова человека, ставшего для

неё теперь всей жизнью, её дыханием, который был её давней, теперь уже осуществившейся мечтой.

Они весело разговаривали, вместе обсуждали будущее, и Анна не заметила, как пора уже было уходить. Фёдор Михайлович кинулся её провожать, заботливо повязал ей башлык и со всей серьёзностью сообщил Анне, что в её лице он нашёл бриллиант, чем опять рассмешил Анну.

Анна шла по Столярному переулку в сторону Большой Мещанской, вдыхая всей грудью осенний морозный воздух. Вокруг сновали прохожие, громыхали коляски, слышался стук копыт, ржанье лошадей, крики извозчиков, облачённых в неуклюжие кафтаны и валяные шапки, похожие на пирог из гречневой муки, — всё это стало для Анны таким родным и близким, ведь здесь жил Фёдор Михайлович.

— Боже мой, какое счастье! Неужели это правда? Разве это не сон? Неужели он будет моим мужем? — восклицала Анна, забывая о прохожих.

Она безгранично любила Фёдора Михайловича, но это была не физическая любовь, не страсть, которая могла бы существовать у лиц, равных по возрасту. Её любовь была чисто головная, идейная. Это было скорее обожание, преклонение пред человеком, столь талантливым и обладающим такими высокими душевными качествами. Мечта сделаться спутницей его жизни, разделять его труды, облегчить его жизнь, дать ему счастье, — это окрыляло Анну, в этом она ощущала свою миссию на земле, дарованную ей свыше. И Анна с нетерпением стала ждать венчания.

Глава 2. Медовый месяц

Свадьба состоялась 15 февраля 1967 года в Троицком соборе Измайловского полка. Анна была облачена в подвенечное платье из белого муара с длинным шлейфом. Её голову украшала небольшая диадема и кружевная белоснежная фата. Анна была необычайно хороша собой и вызывала восхищение у всех присутствующих. На Фёдоре Михайловиче отлично смотрелся чёрный фрак, белая манишка и галстук-бабочка.

Собор был ярко освещён, пел прекрасный хор певчих, собралось много нарядных гостей. Священник Измайловского полка Коссович-Динаровский Василий Григорьевич и диакон Лука Дубецкий совершали обряд венчания не спеша и торжественно. Как и полагалось, Анна и Фёдор Михайлович отвечали на вопросы священнослужителя, крестились, причащались и горячо молились. Потом состоялся благодарственный молебен и начались поздравления.

А позже все отправились на квартиру, которую к тому времени снял Фёдор Михайлович для дальнейшего проживания в ней. Она находилась на Вознесенском проспекте в доме Теля, напротив церкви Вознесения. Вход был внутри двора, а её окна выходили на Вознесенский переулок. Квартира была на втором этаже и состояла из пяти больших комнат: гостиной, кабинета, столовой, спальни и комнаты для девятнадцатилетнего Павла, пасынка Фёдора Михайловича.

Фёдор Михайлович любил широко угощать, а потому стол для гостей ломился от лакомств. Шампанского, конфет и фруктов было в изобилии.

«Ах, как я счастлива! — думала Анна, — А ещё больше счастлива от того, что Федя мой счастлив. Он весь сияет и светится», — с любовью поглядывала она на своего мужа.

И для Анны началась новая насыщенная жизнь. Так как Великий пост ещё не начался, Анна с Фёдором Михайловичем делали свадебные визиты к родственникам и друзьям, пили шампанское, веселились и были безмерно счастливы.

Между визитами они несколько раз посетили театры, хотя Фёдор Михайлович и не любил многолюдные места.

— Федя, я не настаиваю, — обычно говорила Анна.

— Надо же развивать тебя, голубчик мой, Аня, — отшучивался он, и они ехали покупать билеты.

Однажды Достоевские даже попали в театр Берга, который считался новым, он был открыт в декабре 1866 года. Его здание было полностью деревянным и располагалось на Екатерингофском проспекте в Коломенской части недалеко от казарм Гвардейского экипажа. Репертуар представления был необычным для Анны и Фёдора Михайловича, он включал в себя непривычно вольный стиль выступления весёлых, улыбчивых и ярких французских певичек — исполнительниц шансонеток. В репертуар так же входили сцены из русских водевилей и комедий.

— Федя, певички замечательные, — смеялась Анна после представления, когда Фёдор Михайлович помогал ей надевать пальто. — Очень уж они напоминают стрекозу из басни Крылова.

— Уж поверь мне, милая жёнушка, впредь я буду оберегать тебя от подобного вида искусства, — улыбнулся Фёдор Михайлович. — Не стоит марать этим твоё святое сердечко.

— Я согласна, мне и не понравилось.

— Но после такого нам с тобой необходимо поехать на каток.

— Несомненно, дорогой, — снова засмеялась Анна.

И Достоевские на санях отправились в Юсуповский сад. Первый каток там был обустроен в 1864 году на большом пруду, а с 1865 уже третью зиму подряд городские власти отдавали Юсуповский сад в аренду Петербургскому речному яхт-клубу, командором которого был Василий Познанский. Благодаря арендаторам, каток имел все удобства: комнаты для переодевания, трибуны, дополнительное освещение керосиновыми светильниками и, конечно же, были отстроены ледяные горки, снежные городки и крепости.

Ни у Анны, ни у Фёдора Михайловича коньков с собой не было, поэтому они просто гуляли и наслаждались атмосферой зимних февральских веселий и слушали музыку военного духового оркестра.

— А лёд-то нынче как зеркало, — восхитилась Анна. — Ты заметил, Федя?

— Да. Это видимо роль сыграла недавняя оттепель и последующий за ней мороз.

— Как хорошо, Федя, что ты теперь только мой.

— Я тоже счастлив, моя драгоценная жёнушка, — посильнее прижал к себе Анну Фёдор Михайлович.

Домой они вернулись к утру. Это был последний день сырной масленицы перед Великим постом. Отоспавшись и пообедав дома, Достоевские поехали с очередным визитом к Марии Сватковской, замужней сестре Анны. После вкусного ужина в столовой, все, по обыкновению перешли в гостиную, чтобы пить кофе и продолжать общаться.

Анна сидела в мягком старинном кресле бирюзового цвета, напротив Фёдора Михайловича, и с любовью наблюдала, как он рассказывал что-то интересное её сестре. «Милый мой Федя, — думала она. — Везде он умеет себя показать. Со всеми может найти общий язык, и у всех может вызвать к себе симпатию».

И тут Фёдор Михайлович на полуслове прервал свою речь, побледнел, привстал с дивана и начал наклоняться в сторону Анны, которая с изумлением смотрела на его изменившееся лицо. Она почувствовала волнение и даже тревогу. Она никогда его таким не видела. Вдруг из Фёдора Михайловича вырвался нечеловеческий ужасный крик, даже не крик, а вопль. Анна резко вскочила, обхватила мужа за плечи и силой посадила снова на диван. Но бесчувственное тело Фёдора Михайловича она не смогла удержать, оно сползло на пол и его стали бить судороги. Анна тут же опустилась к нему и всё это время держала голову мужа на своих коленях. Помочь ей было некому. Мария в это время была в истерике, её успокаивали в другой комнате.

Мало-помалу судороги прекратились, и Фёдор Михайлович стал приходить в себя, но он не осознавал, где находится, он всё хотел что-то сказать, но вместо одного слова произносил другое, и понять его было невозможно.

— Федя, бедный мой Федя, — гладила его по лицу Анна. — Муж мой любимый, я всегда с тобой, навеки с тобой. Мы сейчас никуда не поедem, останемся у Маши ночевать. Всё будет хорошо, — успокаивала она мужа.

А через час припадок повторился и был с такой силой, что Фёдор Михайлович, даже уже придя в сознание, в голос кричал от боли. Анна находилась рядом. Она только вдруг поняла, какой страшной болезнью страдает её любимый муж. И она страдала с ним вместе, гладила его искажённое лицо, целовала безумно остановившиеся глаза.

— Федя, мой милый Федя, всё будет хорошо, — плакала Анна, сама уже в это не веря. — Федя, я так не хочу тебя потерять, ведь я только тебя обрела.

Наконец, Фёдору Михайловичу стала легче, и он крепко уснул, а Анна пошла в малую гостиную и ещё долго сидела там с Марией.

— Неточка, я же предупреждала тебя, что этот брак не принесёт тебе счастья, — жалела её сестра. — Ведь Фёдор стар для тебя, беден и болен. К тебе же сватались молодые люди, что ты не пошла за кого-нибудь из них?

— Маша, о чём ты говоришь? — ужаснулась Анна. — Ведь Федя — это моя жизнь, моя судьба, он часть меня. Не за деньги же мы должны любить, ведь это так неправильно.

Анна прилегла на плечо Марии и продолжила:

— Молодые люди с недавних пор кажутся мне пусты и скучны. В них нет той глубины, которая есть в Феде и его друзьях. А Федя, он очень добр, он теперь счастлив со мной. И я горжусь, что этот гениальный человек обрёл тепло, благодаря мне. Маша, я всё сделаю, чтобы он был ещё более счастлив.

— Нет, это слишком большая жертва с твоей стороны, — погладила её по руке Мария.

— Всё будет хорошо, Маша, милая, вот увидишь, — успокаивала сестру Анна. — Пойдём спать, а то уже скоро утро.

Анна крепко обняла сестру, и они разошлись по комнатам.

К утру Фёдор Михайлович совершенно окреп, даже вышел к завтраку, но был угрюм, молчалив и поторапливал Анну, чтобы ехать домой. Может быть, его подавленное состояние было последствием припадка, а может быть, он чувствовал себя неловко, что доставил столько неудобства семье своей жены.

— Аня, бедная моя Аня, — говорил ей Фёдор Михайлович уже в санях, когда они были по пути к дому. — Ты молода и здорова. Ты уже сожалеешь, что связала свою жизнь с таким больным стариком, как я? — виновато спросил он.

— Федя, не говори так никогда больше! — воскликнула Анна, серьёзно посмотрев ему в глаза. — Ты мой любимый муж. Твоя жизнь — это моя жизнь. Твоя болезнь — это моя болезнь. Но я верю, что у нас будет всё хорошо.

— Анечка, какое у тебя доброе сердце. Я не устаю восхищаться тобой, моя несравненная жена, мой ангел. Мне тебя послал Сам Бог.

«Ах, если бы ты знал, Федя, — подумала Анна, продолжая смотреть ему в глаза, — если бы ты знал, что мучает меня в действительности».

Ведь для Анны самым тяжёлым при медовом месяце был не припадок Фёдора Михайловича, а враждебное отношение всех его родственников к ней — это была тайная боль Анны. Вдова Михаила Михайловича, Эмилия Фёдоровна, и её дети были против Анны, они никак не могли смириться с мыслью, что теперь деньги Фёдора Михайловича будут тратиться не только на них, а ещё на Анну. Но больше всего Анне докучал пасынок, Павел Исаев, который был младше Анны всего на несколько месяцев. Павел жил с ними, после свадьбы отчима он не захотел селиться отдельно и, словно дав себе обещание — разъединить отчима и молодую мачеху — старался делать для этого всё: — он шёл на всякие мелкие каверзы: то выпьет сливки пред выходом Фёдора Михайловича в столовую, и приходилось покупать их на скорую руку в лавочке и, конечно, плохие, а Фёдору Михайловичу — ждать своего кофе; то пред самым

обедом съест рябчика, и вместо трёх подается два, и их не хватает. То во всём доме исчезнут спички, хотя вчера ещё было несколько коробок. Все эти недочеты страшно раздражали Фёдора Михайловича, и он кричал на служанку Федосью, а Павел Александрович, наделавший эти беспорядки, пожимал плечами и говорил: «Ну, папа, когда хозяйством заведовал я, этих беспорядков не было!» Выходило так, что виновата в них Анна, вернее, её бесхозяйственность.

Анну слишком мучило такое отношение, заступиться за себя она не умела, потому что выросла в совершенно других условиях и никогда не сталкивалась с подлостью людей. Анна даже негодовала втайне на Фёдора Михайловича, что он «великий сердцевидец» не может угадать, как живётся рядом с ним его «несравненной жёнушке», его «ангелу». Поэтому, в медовый месяц Анна испытывала двойные чувства, с одной стороны — неизмеримое счастье, а с другой — вечную тоску об утраченных доверительных беседах, когда она была просто стенографисткой, а родственники Фёдора Михайловича не чувствовали в ней материальной опасности для себя.

Глава 3. Поездка в Москву

Избавление от тоски пришло неожиданно. Это случилось ещё до Москвы, куда Анна приехала с Фёдором Михайловичем в мартовский четверг на пятой неделе великого поста. Во время поездки Анна была весела и довольна, ведь перед этим она смогла откровенно поговорить со своим несравненным мужем и рассказать ему, что её так долго терзало и мучило, и у Фёдора Михайловича появилась мысль — попросить в Москве аванс у Михаила Каткова на новый роман, и на эти деньги уехать за границу.

В Москве Достоевские остановились в гостинице Дюссо на углу Театрального проезда и Неглинной улицы. Анна была счастлива.

— Федя, мой несравненный муж, я готова всю жизнь жить в гостинице, лишь бы только быть вдвоём с тобой, безо всяких родственников, — улыбалась она ему, наряжаясь в сиреневое платье и надевая изящную шляпу.

— Ангел мой, Анечка, теперь мы будем счастливы, как никогда, — вторил ей Фёдор Михайлович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.